

анти-пилигримства, если его можно такъ назвать, вѣроятно, заключалась въ томъ, чтобы во время великаго стеченія христіанъ и «истинно вѣрующіе» были бы какъ можно многочисленнѣе въ святомъ градѣ. Тогда каждый каравансарай, монастырь и домъ бываютъ переполнены; и всѣ мѣста въ предѣлахъ города, могущіе служить ночлегомъ, заняты пилигримами бѣднаго класса, которые готовятъ свое незатѣйливое кушанье на улицахъ и тутъ же проводятъ ночи подъ открытымъ небомъ.

Любимымъ мѣстомъ для этого бивуака служить площадь передъ башнею Давида; на ея камняхъ лежатъ тѣсными рядами мужчины, женщины и дѣти. Точно такъ бывало, должно быть, и въ древнемъ Іерусалимѣ, но тогда каждое семейство предоставляло пилигримамъ свои комнаты и даже крышу своего дома, такъ какъ гостиницы были неизвѣстны въ то время. Раввины, кромѣ того, позволяли расширять священные предѣлы Іерусалима на время праздника до Виѳаніи, такъ что тысячи, не помѣстившіяся въ стѣнахъ города, могли расположиться въ окрестностяхъ его.

ГЛАВА XXIV.

ОКРЕСТНОСТИ ІЕРУСАЛИМА.

Вершина горы Сіона.—Наемныя плакальщицы.—Поспѣшныя похороны.—«Гробница Давида» и «Горница Тайной Вечери».—Прудъ Султана.—Долина Енномъ и ея прошлое.—Холмъ «Злого Совѣщанія». —Акелдама.—Долина Сыроваровъ.—Прудъ Силоама.—Древняя надпись.—Колодезь Богородицы.—Интересный феноменъ.—Царскіе сады.—Ея-Рогель.—«Да здравствуетъ царь Адонія».—Холмъ Соблазна.—Долина Юсафатова.—Деревня Сильванъ (Силоамъ).

ЛАВРОВАЯ ВѢТКА.

ФСКІЯ ворота были ближайшія отъ гостиницы, въ которой я жилъ; поэтому, чтобы выйти за городскія стѣны, нужно было обыкновенно проходить чрезъ нихъ. Долина Енномъ простирается къ юго-востоку, и спускъ по ней сначала почти незамѣтенъ.

Болѣе 200 сажень къ востоку, на возвышенности близъ дороги въ Газу, находилась больница для прокаженныхъ; налѣво у подошвы возвышенности былъ глубокій ровъ; тутъ же была построена цитадель; стѣны ея громадныхъ размѣровъ; на низкихъ башняхъ развѣвался турецкій флагъ.

Минаретъ гордо возвышался надъ оливковыми деревьями, которыя росли въ садахъ, обведенныхъ зубчатымъ внутреннимъ валомъ, а наружныя гигантскія стѣны были повсюду украшены ползучими растеніями, которыя въ Палестинѣ замѣняютъ нашъ плющъ.

Эта грозная бастилія имѣетъ кровавое прошлое. Къ западу отъ нея находится широкое открытое мѣсто, обращенное къ долинѣ; здѣсь путешественники охотно раскидываютъ свои палатки.

Группы старыхъ оливковыхъ деревьевъ, растущихъ на скатахъ, испещряютъ мѣстность; погонщики верблюдовъ ихъ очень любятъ изъ

за тѣни, въ которой могутъ отдыхать животныя, между тѣмъ какъ они сами тутъ же располагаются, чтобы подкрѣпиться своею незатѣйливою пищею.

По мѣрѣ того, какъ мы спускались по долинѣ, мы замѣчали, что на востокѣ крутой скатъ Сіона составлялъ противоположность постепенно понижающимся западнымъ откосамъ.

Преобладающій цвѣтъ голыхъ холмовъ — желтый, но молодая зелень нѣсколькихъ полей вдоль долины, разбросанныя по западнымъ скатамъ оливковыя деревья и темная листва тополей, возвышающихся изъ армянскихъ садовъ надъ обветшалой городской стѣной, смягчаютъ суровость вида. Іерусалимъ имѣетъ вообще каменистую почву; окрестности его спалены солнцемъ и бесплодны, какъ еще за четверть вѣка до Христа описывалъ ихъ Страбонъ ¹.

Дорога была оживлена путешественниками всѣхъ націй. Намъ встрѣчались арабы съ верблюдами, ослы со всевозможной поклажей, пѣшеходы въ тюрбанахъ, женщины покрытыя вуалью, и пилигримы обоого пола, возвращающіеся въ Іерусалимъ или выходящіе за городъ.

Какъ много люди переносятъ по собственному побужденію въ надеждѣ заслужить царство небесное, пока самоотверженіе касается лишь ихъ физическихъ страданій!

Въ толпѣ этихъ посѣтителей святыхъ мѣстъ, явившихся изъ дальнихъ странъ, число женщинъ равнялось числу мужчинъ, но проявляя тѣлеснымъ утомленіемъ свою религіозную ревность, многіе ли изъ нихъ пришли «поклониться въ духѣ и истинѣ» ², начавъ съ внутренняго усовершенствованія? Нужно надѣяться, что такихъ много, однако.....!

Пройдя мимо гордо возвышающихся башенъ и стѣнъ цитадели, достигаешь крутой тропинки, ведущей къ вершинѣ Сіонской горы. Она плоская, хотя представляетъ нѣкоторыя неровности между городской стѣной и крутой стороною холма. Бóльшая часть поверхности занята христіанскимъ кладбищемъ; оно раздѣлено на участки для католиковъ, грековъ, армянъ и другихъ вѣроисповѣданій. Всѣ тутъ мирно спятъ подъ мусоромъ древняго Іерусалима. Далѣе есть отдѣльное англійское протестантское кладбище, оно лежитъ на землѣ, принадлежащей школамъ епископа Гобата, и въ немъ погребено уже не малое число англичанъ.

Нѣсколько женщинъ сидѣли у свѣжей могилы въ самомъ боль-

¹ Strabo, Geogr., p. 880 ed. 1570.

² Іоан. IV, 23.

шомъ отдѣленіи кладбища; онѣ громко рыдали, почти истерически, такъ что можно было бы предположить, что онѣ глубоко опечалены потерєю дорогого родственника или друга. Но оказалось, что это было профессиональное представленіе, за которое платятъ извѣстную цѣну, и которое не имѣетъ бѣльшаго значенія, чѣмъ вздохи и слезы актрисъ на театральныхъ подмосткахъ. Казалось бы страннымъ, что подобное изображеніе печали находить покупателей,—но въ дѣйствительности и наши похоронныя украшенія, какъ балдахины, перья, процессіи пѣвчихъ и т. п., нанимаемая за установленную цѣну, нельзя назвать болѣе правдивыми.

Самой поразительной чертой восточныхъ похоронъ служить поспѣшность, съ которой онѣ производятся. Какъ только начинается разложеніе, комната усопшаго наполняется толпой сосѣдей и друзей «плачущихъ и вопіющихъ громко»¹, какъ это было и въ домѣ Іаира, начальника синагоги. Г-нъ Мильсъ² рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ такого случая. Пришедши навѣстить одну женщину, онъ засталъ ее умирающею: ея братъ поддерживалъ ее, а множество другихъ толпились вокругъ съ поднятыми руками и страшнымъ воплемъ; одного этого шума и этой толпы было бы достаточно убить бѣдную женщину. Она, дѣйствительно, скончалась посреди этого смятенія, какъ можетъ быть, произошло и съ дочерью Іаира. Женщина эта умерла въ 11 ч. утра, а спустя четыре часа ее уже похоронили. Друзья и знакомые собрались къ тому времени и вынесли тѣло, которое было покрыто саваномъ изъ бѣлаго коленкора и положено не въ гробъ, а на носилки, которыя дѣлаются съ высокими бортами, чтобы покойникъ не могъ съ нихъ упасть. Женщины занимали главное мѣсто въ процессіи, но нанятыхъ плакальщицъ не было, ибо умершая была христіанка, и искренняя скорбь тѣхъ, которые провожали ее къ могилѣ, не нуждалась въ искусствѣ, дабы усилить крики и стоны, непрерывно вырывающіеся изъ ихъ груди. Тѣло было еще совсѣмъ теплое, но докторъ, котораго пригласилъ г-нъ Мильсъ, объявилъ, что жизнь прекратилась. Могилу выкопали безъ лопатъ или какихъ-либо другихъ инструментовъ, а просто руками и помощью какого-либо случайно найденнаго плоскаго камня. Глубина могилы была лишь въ два фута, и дно и бока были обложены камнями, такъ что едва возможно было помѣстить покойницу. Сверхъ могилы положили большія плиты, которыя, покоясь на боковыхъ камняхъ, образовали какъ бы гробовую крышку, а сверхъ нея

¹ Марк. v, 38.

² Mills. Nablus., p. 152.

изъ земли и мелкихъ камней сдѣлали холмикъ. Вчера вечеромъ покойница была еще весела, а сегодня...

Двѣнадцать женщинъ всю ночь оставались въ домѣ умершей, продолжая, почти безостановочно, громко выть и вскрикивать, а рано утромъ на слѣдующій день онѣ отправились къ могилѣ, чтобы тамъ сидѣть и плакать, какъ, по мнѣнію евреевъ, поступила и Марія, когда, по знаку Марѳы, «поспѣшно встала и пошла къ Нему» по смерти Лазаря ¹. Каждое утро, въ продолженіе девяти дней, онѣ проводили на могилѣ. Въ день похоронъ вечеромъ былъ приготовленъ сосѣдями ужинъ, назначенный для убитыхъ горемъ членовъ семейства. Это напоминаетъ подкрѣпляющую чашу утѣшенія, для опечаленныхъ, о которой говоритъ пророкъ Іеремія: «и не будутъ преломлять для нихъ хлѣбъ въ печали, въ утѣшеніе объ умершемъ; и не подадутъ имъ чаши утѣшенія, чтобы пить по отцѣ ихъ и матери ихъ ², и хлѣбъ отъ чужихъ» ³, который былъ запрещенъ пророку Іезекіилу, когда скончалась его жена.

Близъ кладбища находится старая христіанская церковь, преемница Сіонской, построенная до храма Гроба Господня т. е., по крайней мѣрѣ, спустя 300 л. по Р. Х. Во времена крестоносцевъ ее, вѣроятно, перестроили, но въ своемъ настоящемъ видѣ она существуетъ лишь съ 1333 г., когда она досталась францисканцамъ. Магометане, однако, овладѣли ею 300 лѣтъ тому назадъ, и усерднѣе заботятся объ охранѣ нѣкоторыхъ частей ея, по ихъ мнѣнію, болѣе священныхъ, чѣмъ о такъ называемой мечети Омара. Въ этой церкви гробница Давида считалась святынею съ самой эпохи царствованія франкскихъ королей, и до сихъ поръ охранители ея гордятся этимъ древнимъ памятникомъ, по ихъ заявленію, находящимся въ подземельѣ, хотя они не показываютъ его невѣрующимъ. Существованіе древнихъ гробницъ подъ настоящей поверхностью не подлежитъ сомнѣнію, но не на этомъ мѣстѣ, повидимому, слѣдуетъ искать гробницу царя-псалмопѣвца. Во второмъ этажѣ зданія указываютъ на длинную, простую комнату, доступъ въ которую открытъ за небольшую плату: это, по преданію, та «горница» въ которой ученики «приготовили пасху» и гдѣ произошла тайная вечеря. Но вѣдь Іерусалимъ временъ Христа, нужно помнить, лежитъ погребеннымъ подъ слоемъ мусора въ 30 ф.

Съ холма прекрасный видъ на Прудъ Султана, — по преданію, Нижній Прудъ Гіона ⁴; это огромный резервуаръ, имѣющій 245 ф.,

¹ Іоан. xi, 28, 29 и 31.

² Іерем. xvi, 7.

³ Іез. xxiv, 17.

⁴ см. Цар. i, 33.